

Оккупация глазами очевидца

Маргарита Семенова
Беседовала София Лухтан

Близится 70-летие со дня Победы над немецко-фашистскими захватчиками. И многим интересно знать, как жили люди во время оккупации Таганрога. Маргарита Евгеньевна Семенова поделилась с читателями «Таганрогской правды» историей своей жизни во время войны.

В 1941 году мне было восемь лет, я пошла в школу. Проучилась полтора месяца и 15 октября, как обычно, пришла в класс. Ведь я и мои сверстники мало думали о войне, она проходила как-то мимо нас. Учительница ведет урок. Тут заходит директор и что-то шепчет ей на ухо. Она говорит нам: «Дети, собирайтесь и все по домам». Мы так обрадовались! А это началась эвакуация.

К тому времени во всех дворах уже успели построить землянки. И нас, детвору, в них загнали.

Я жила на улице Максима Горького в районе старого вокзала. Все его пути в этот день были заняты. Прибыли поезда дальнего следования, чтобы эвакуировать горожан. Но не успели. Наши солдаты оставили город, причем особых боев за него не было.

Потом мы слышали шум и вышли из землянки. Оказалось, что взрывали эшелоны, чтобы немцам не досталось оборудование завода имени Димитрова. Людей не предупредили, и на вокзале нельзя было протолкнуться, все бежали в ближайшие укрытия. Мы выскочили на улицу и увидели немцев. Они были хорошо одеты: черные кожаные плащи, меховые ботинки. На машинах. В каждой из них громадная собака - немецкая овчарка.

Когда фашисты заняли город, стали устанавливать свои порядки. Переименовывали улицы, на центральном рынке поставили виселицы, поймали пару «мародеров» и в первый же день повесили их, чтобы запугать народ. На второй день по городу развесили листовки. В них было сказано, что собирают евреев и для их же безопасности куда-то везут. А вместо этого пять тысяч человек расстреляли в Петрушино. Люди, которые там жили, боялись близко подходить к тому месту. Говорили, что земля шевелится.

У нас был частный четырехкомнатный дом. Взрывы на вокзале разрушили крышу, и мы жили в пристройке, во флигельке - в одной маленькой комнатухе, посреди которой стояла буржуйка. Когда немцы проверяли, можно ли у нас остановиться, видели, что людей много, и сразу же уходили. А одни пришли и стали греться у печки. У меня был братик, ему исполнился год - очень симпатичный и общительный мальчик. Один из фашистов взял его на руки и спрашивает: «Немец хорош?» На что ребенок ответил: «Немец капут!» Моя мама так испугалась! Сейчас возьмет и пристрелит, что ему стоит? Но обошлось. Наверное, не все из них были звери...

Еще у нас жил шпиц. Беленький такой, Снежком звали. Немцы всех собак вокруг расстреляли, а его почему-то нет. Не то чтобы он их не трогал - наоборот, на всех нападал и лаял. А они не обращали на него внимания. Наверное, нравился он им.

В школе в этом году мы больше так и не учились. С нами занимались дома. А когда пришло время идти во второй класс, в городе открыли одну-единственную школу в Гоголевском переулке. Немцы иногда приходили на уроки. Садись на последнюю парту и слушали.

Два года длилась оккупация Таганрога. Ближе к отступлению фашистов вокруг стали говорить, что все пути - от вокзала до станции Марцево - заминированы. Нас отправили к родственникам в Украинский переулок, где мы прожили несколько дней. Но вокзал не взорвали. Говорят, что подпольщики перерезали провода и не дали это сделать. Но там все равно что-то горело. К тому времени мы успели вернуться домой, и я помню, как бегали смотреть на громадные балки в огне и падающие искры. Продолжалось это всю ночь, и спать легли только под утро.

Проснувшись от шума и сразу помчались узнать, что происходит. Люди кричали: «Наши в городе!» Мы пошли в сторону Дзержинки, а там на танках наши бойцы. Горожане кидают им букеты из полевых цветов. Солдаты вышли из машин, их стали обнимать и целовать. А еще на всю жизнь запомнилось, что когда мы, дети, вернулись домой, нам испекли лепешек.

После оккупации мы жили так же, как и сейчас живем. Только голод был... Страшный.